

В галерее «Манеж» открыта выставка Татьяны Назаренко

ЦАРЬ ОБЕЗЬЯН И ПТИЦА ДОДО

Независимая газ. - 1998 - 14 марта - с. 7

Михаил Сидлин

ХАНУМАН — царь обезьян, победитель богов, ловкач и мудрец, герой индийской улицы и пекинской оперы — в эпицентре новой инсталляции Татьяны Назаренко. Из своего путешествия на Острова блаженных она привезла зарисовки, которые легли в основу ее выставки «Маврикий — рай для миллионеров». Фоны созданы из шелков, туго натянутых на рамы. Поверх рам — выпиленные силуэты: огромные раковины, горы фруктов, продавец ожерелий — маслом они написаны по фанере.

Эти новые работы представляют новую Назаренко: от тусклой московской палитры она ушла в колорит тропиков. Яркость и контраст — то, что поражает северянина в южных морях — Назаренко передала с помощью свежих красок и восточных шелков.

«Чудо-остров, чудо-остров, жить на нем легко и просто»: Маврикий где-то в океане — там, где смешались расы, и яркие краски, и все мифы мира живут под синим глубоким небом. В одном углу зала жирные рыбины висят с потолка. В другом — древнеиндийская игра, которую европейцы называли «солитер» — съедобная головоломка, сложенная из апельсинов. В третьем — гнездо птицы Додо, вымершей печальной уродины, воспетой натуралистами и Кэрроллом: оно сплетено из прутьев руками художницы и ее сына. Темнокожая красотка в набедренной повязке-юбке улыбается во весь рот так же, как тысячу лет назад. Маврикий — место, где все счастливы, и главный из всех — Хануман, улыбающийся углами рта.

«Наше счастье постоянно, жуй кокосы, ешь бананы». В новой инсталляции Назаренко прелести африканского стола занимают подобающее им — центральное — место. Раблезианская уто-

Татьяна Назаренко. Хануман. Из проекта «Маврикий — рай для миллионеров».

Фото Виктора Антипина

пия — кочующий мотив в ее творчестве: разнородные вкусы пантагрюэлевской величины возникают снова и снова в ее работах. На московском столе художницы (галерея Гельмана, 1997) вазы с икрой, молочные поросята, водочные бутылки за-

тмевают собой архитектурных уродцев. Изобилие — одна из главных примет рая. Там все цветет, все там — плодится и размножается. Скучность русского глинозема мечту об изобилии превратила в род национальной утопии: «если бы бананы росли

на дереве сами». Тропики — проекция русского представления о беззаботной и счастливой жизни, это мечта о гигантском яблоке из сказки Ефима Честнякова, которое ешь-ешь, а оно не кончается.

Художник путешествующий — распространенный тип. При этом жанр «путевых заметок» кажется все более устаревшим, мир современных коммуникаций не оставляет места для различий — Москва-Берлин-Париж-Нью-Йорк сливаются в одну паутину аэропортов-гостиниц-галерей-музеев-выставок-ярмарок-тусовок, и современный художник чем дальше, тем меньше замечает особенности разных гео- и этнопространств, которые сливаются для него в одно нерасторжимое единство арт-среды. В этом мире все труднее быть Верещагиным, и все легче — Малевичем.

Другая история — бегство Гогена на Таити. Романтический жест, принесший ему посмертную славу. Есть, есть еще на земле уголки, где художник может скрыться от скверны, покрывшей землю, — чудо-острова... На островах обитают загадочные существа: циклопы, волшебницы, атланты. Хануман, изображенный Назаренко, — такой же обитатель Маврикия, как и смуглая девушка в цветастых тряпках. Ее Маврикий — и земля обетованная, и таинственный остров.

По всему свету Маврикий известен как родина «голубого Маврикия» — самой дорогой марки.

«Маврикий — рай для миллионеров» — название, которое возвращает к реальности, в пожизненный рай пускают богатых. Есть счастье на земле, но за большие деньги. Как шутил герой одного из американских фильмов, ада нет, просто тех, кто осужден на алские муки, отправляют в Гарлем. Те, которые достойны рая, едут на Маврикий.

И лишь одно напоминает о том, что рай — утерян: это гнездо, навсегда покинутое птицей Додо...